

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»: К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

УДК 821.161. 1-1(Мандельштам О. Э.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-09.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

«ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ». ИЗ БЕСЕД И ЗАПИСЕЙ О «ВОРОНЕЖСКИХ ТЕТРАДЯХ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

Митракова Н. М.
Воронеж, Россия

Алейников О. Ю.
Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

А н н о т а ц и я . В статье анализируется специфика рецепции «Воронежских тетрадей» О. Мандельштама в подцензурный («допечатный») период изучения его произведений независимыми исследователями в городе, где были созданы, записаны и авторизованы стихотворения, вошедшие в «Наташину книгу». Рассматривается история вопроса, уточняются различные стратегии восприятия лирики поэта, проблемы историко-литературного и реального комментирования его текста. Актуальность темы обусловлена насущной потребностью изучения истории приращения и накопления точных знаний о поэте и его творчестве в документах личного происхождения, в составе которых, помимо писем, заметное место занимают дневники, блокноты, записи бесед, сохранившиеся в частных собраниях и архивах исследователей, участвовавших в поиске и систематизации историко-биографических сведений (а также других достоверных материалов, фактов, устных воспоминаний) о жизни и творческом наследии О. Мандельштама. Новизна исследования определяется тем, что в научный оборот вводятся записи 1960-х – 1980-х годов, сделанные Н. М. Митраковой во время общения с уроженкой Воронежа Н. Е. Штемпель (1908–1988), принимавшей участие в судьбе поднадзорного поэта и в дальнейшем спасении и сбережении значительной части его рукописного архива, дружившей с Н. Я. Мандельштам. В статье содержится реконструкция поисков реальной топонимики Воронежа, переосмысленной в произведениях поэта. Впервые приводятся выписки разных лет из неопубликованных и неизвестных специалистам дневников профессора В. А. Свительского (1940–2005), стоявшего в Воронеже у истоков научного мандельштамоведения. Публикуются фотографии из личного собрания Н. М. Митраковой и фотографии, сделанные в 1970–1980-е годы исследователем-поисковиком, кандидатом химических наук В. Л. Гординым (1940–1992) – соавтором Н. Е. Штемпель по работе над альбомом и слайд-фильмом «Мандельштам в Воронеже». Текст статьи подготовил О. Ю. Алейников. Цитаты из дневников В. А. Свительского подготовила и предоставила Н. М. Митракова. Фрагменты ее воспоминаний о Н. Е. Штемпель и поиске реальной топографии выделены в тексте статьи как авторский материал.

К л ю ч е в ы е с л о в а : рецепции творчества; русские поэты; литературное творчество; литературные жанры; стихотворения; мандельштамоведение.

“MILESTONES”. FROM CONVERSATIONS AND NOTES ABOUT OSIP MANDELSTAM’S “VORONEZH NOTEBOOKS”

Nina M. Mitrakova

Voronezh, Russia

Oleg Yu. Aleinikov

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

Abstract. The article analyses the specificity of reception of Mandelstam’s “Voronezh Notebooks” in the censored (prepublication) period during expertise of his works by independent researchers in Voronezh where his poems were created, recorded and authorized. The authors study the historical background and clarify some strategies of perception of Mandelstam’s lyrical poems and the problems of real and historical-literary commenting of his texts. The urgency of the study can be attributed to the need to investigate the history of accumulating precise knowledge about the poet and his creative activity recorded in personal documents such as letters, diaries, notebooks and transcripts of interviews kept in private collections of the scholars who took part in the search and systematization of historical and biographical data (and other reliable materials, facts and oral reminiscences) about Mandelstam’s life and his creative heritage. The novelty of the study is determined by the fact that it includes in the scope of scholarly interest the notes of N. Mitrakova, written down in the 1960s–1980s during her communication with N. Shtempel (1908–1988) who, being a friend of N. Mandelstam, was involved in poet’s life, and saved and kept the major part of his archive. The article reconstructs the search for real Voronezh toponymy reinterpreted in the poet’s works. For the first time, the article provides extracts from previously unpublished and new diaries of Professor V. Svitelskiy (1940–2005), who was the founder of Mandelstam studies in Voronezh. The article publishes photos from N. Mitrakova’s private collection and photos made in the 1970s–1980s by the researcher, Candidate of Chemistry V. Gordin (1940–1992), who was N. Shtempel’s co-author of the album and the slide show “Mandelstam in Voronezh”. The text was prepared by O. Aleinikov. Quotes from the diaries of V. Svitelskiy were prepared and provided by N. Mitrakova. Fragments of her memoirs about N. Shtempel and the search for real topography are highlighted in the text of the article as the author’s material.

Key words: reception of creative activity; Russian poets; literary creative activity; literary genres; poems; Mandelstam studies.

Для цитирования: Митракова, Н. М. «Путеводные знаки». Из бесед и записей о «Воронежских тетрадах» О. Мандельштама / Н. М. Митракова, О. Ю. Алейников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 111–122. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-09.

For citation: Mitrakova, N. M., Aleinikov, O. Yu. (2021). “Milestones”. From Conversations and Notes about Osip Mandelstam’s “Voronezh Notebooks”. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 111–122. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-09.

«Воспоминания – прерывистые знаки» (Н. Я. Мандельштам). В дневнике В. Свительского за 1959 год Осип Мандельштам упоминается дважды: в перечне прочитанных книг и в описании встречи у памятника Кольцову с приезжим стариком. Тот «почему-то называл поэтов по именам»: «У Алексея есть прекрасные строки... „Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны...“ Так мечтал о свободе воронежский прасол! А Мандельштам откликнулся: „Я около Кольцова, как сокол, закольцован...“ Осипу приходилось жить в вашем городе, друзья. Не забывайте об этом».

Последние слова напоминают напутствие: стихов, созданных поэтом в ссылке, будущему исследователю его творчества слышать не доводилось...

В 1960-е годы отрывочные сведения о «Воронежских тетрадах» начинали приходиться к читателям советских изданий с многочисленными умолчаниями. В воспоминаниях И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» образ О. Мандельштама, преследуемого белогвардейцами, полицией и другими «враждебными силами», был отчасти романтизирован, «воронежские» строки появлялись в повествовании о злключениях поэта в Киеве,

Коктебеле, Феодосии, Батуми, Москве времен Гражданской войны. По логике, предложенной мемуаристом, уже тогда начался поединок поэта с «веком-волкодавом» – в емкой мандельштамовской метафоре, упомянутой в тексте воспоминаний, откликались гибельные исторические обстоятельства, о которых И. Эренбург рассказывал, пропуская целые десятилетия: «Летом 1934 года я искал его в Воронеже» [Эренбург 1961: 142]. Но вместо подробностей далее приводилось стихотворение «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», почти никому не известное.

В другой публикации, осуществленной в четвертом номере журнала «Простор» за 1965 год, стихи, извлеченные из «Воронежских тетрадей» (в том числе «Я должен жить, хотя я дважды умер...»), обнародованы без указания места их создания. Но умолчания, вызванные запретами цензуры, едва ли могли дезориентировать: лирикой Мандельштама Воронеж уже был вписан в его творческую биографию и в мировую поэзию (в Италии, США и Франции приступали к изданию его стихов).

В СССР предпринимались неуместные попытки приспособить к официальной советской литературе наследие поэта, заклеянного когда-то как «мэтра замолчавших вражеских лир» (Г. Рыжманов). В 1966 году журнал «Подъем» – благодаря поддержке секретаря воронежского обкома партии по пропаганде – напечатал подборку из «Наташиной книги» с предисловием, из которого следовало, что на черноземной земле «в поэзию Мандельштама вошла жизнь с гулом подземных поездов московского метро, гудками паровозов, снующих между Отрожкой и Придачей, рокотом самолетов, взрезающих туманное небо Арктики, звоном далеких и близких кремлевских курантов, сжимающим пространство между Москвой и Воронежем до точки» [Немировский 1966: 93]. При подготовке произведений к печати была перепутана их датировка, не уточнена текстология, но содержалось указание на источник публикации: «стихи Мандельштама воронежского периода сохранились в списках Н. Е. Штемпель. В значительной степени по ее воспоминаниям мы восстанавливаем жизнь О. Э. Мандельштама в Воронеже» [Там же: 92].

Это был сигнал, подтверждавший достоверность приведенных в предисловии историко-биографических фактов. Однако в печать пропустили немного. Информацию, полученную у Натальи Евгеньевны, но значительно сокращенную редакцией журнала, А. Немировский пытался восстановить в областной газете «Молодой коммунар». В статью «Мандельштам в Воронеже» (1966, 19 авг.) удалось включить полный текст стихотворения «Я около Кольцова...», упомянуть один из адресов опального поэта: «улица Фридриха Энгельса (угол улицы Чайковского)», куда в сентябре 1936 года пришла Наташа Штемпель, чтобы познакомиться с создателем «Камня».

Дом, где сравнительно недолго снимали комнату Мандельштамы, получил известность, но «исходные образы», автобиографическую реальность стихотворений, маршруты опального мастера и другие «путеводные знаки», значимые для понимания «Воронежских тетрадей», подцензурные публикации, рассыпанные по разным изданиям, подсказать не могли.

Нина Матвеевна Митракова вспоминает: «О том, что в нашем городе живет женщина, принявшая участие в судьбе ссыльного поэта, мой муж Слава Свительский, его сестра Таня и я знали со времен студенчества. Вероятнее всего, об этом говорил наш преподаватель Владислав Петрович Скобелев, поощрявший интерес к творчеству Мандельштама и другим полузапретным темам. В 1968 году – я тогда работала в отделе периодики университетской библиотеки – мы познакомились с Натальей Евгеньевной, решившей передать в читальный зал комплекты журнала „Новый мир“ за несколько лет. Выяснилось, что район педагогического института, где мы жили, она хорошо знала, после войны ее и других преподавателей авиационного техникума подселили в двухэтажный дом, располагавшийся недалеко – в переулке Купянском (прежнее название – 2-й переулок Буденнова. – Прим. О. А.).

Первый день знакомства запомнился. „Воронежские тетради“ мы читали и прежде – рукописными и машинописными страничками, уже ходившими в самиздате, делились друзья. Но Наталья Евгеньевна произносила знакомые строки с необычной интонацией (как мы

потом поняли, услышанной у Мандельштама). Стихотворения о жизни и смерти, весне и любви, чередуясь, в ее исполнении соединились в созвучии...

В. Свительский, Н. Митракова.
«Накануне знакомства с Н.Е. Штемпель»

Мы стали часто бывать у Н. Е. Штемпель. Говорили о разном. Квартира на Никитинской была открыта для всех, кто интересовался поэзией, новыми событиями культуры. Мандельштамовская тема, конечно, была главной, его стихи звучали чаще других. Мы расспрашивали о поднадзорной жизни поэта в Воронеже, круге его знакомых, привычках... Славу интересовали перемены в отношении Мандельштама к городу, в котором пришлось отбывать ссылку. Не на все вопросы мы получали ответы, хотя относилась к нам Наталья Евгеньевна с пониманием и доверием. Осенью 1969 года она пригласила В. Свительского поехать на станцию Графскую. Там, на чердаке домика, стоявшего у самого леса, ее давняя приятельница Полина Ионовна хранила машинопись „Второй книги“ Н. Я. Мандельштам. Мы смогли прочитать эти захватывающие страницы в ранней редакции, еще до выхода ее сочинений в зарубежном издательстве. Позже „Воспоминания“, отпечатанные в тамиздате и вызвавшие глухую ярость советских властей, нам передаст через общих знакомых прибывшая из Австрии Иоханна Штайндль, будущая жена Саши Соколова. Жизнь и творчество поэта открывались в значимых деталях. Запомнилось, что в своем повествовании Надежда Яковлевна подчеркивала весомость и точность „показаний“ Наташи Штемпель (это словечко из судебной практики не удивляло: Синявский и Даниэль отбы-

вали тюремные сроки, трагически прервалась пражская весна).

Как-то Наталья Евгеньевна позвонила мне на работу и таинственно сообщила о приезде „знакомой, которая жила в яме и согласилась на встречу“ с нами. Во время общей беседы Н. Я. Мандельштам несколько раз обращалась глазами к „ясной Наташе“, словно нуждаясь в подтверждении отдельных фактов.

Следует признать: отвечая на вопросы тех, кто приходил в дом 38а на Никитинской улице и поднимался по очень крутой и темной лестнице на третий этаж в квартиру 29, Н. Е. Штемпель рассказывала лишь то, что сберегла ее память, ничего не придумывая, опуская подробности, связанные с «собственной персоной», не ссылаясь на адресованные ей стихотворения поэта. Позже признавалась: «Стремилась себя удержать». И, отправляясь с гостями на ставшие легендарными прогулки по «мандельштамовскому Воронежу», говорила о наиболее ярких эпизодах и встречах, не пытаясь разнообразить свои сообщения. Делала это, очевидно, сознательно, чтобы исключить неточное изложение событий, относящихся к периоду ссылки Мандельштама в «старый русский город», почти не документированной тогда в открытой печати.

Эта позиция выгодно отличала ее устные рассказы (и опубликованные позже воспоминания) от субъективных и беллетризованных мемуаров. «Нечего и говорить, насколько важны такие наивно-фактографические воспоминания для исследователей творчества Мандельштама, – делился впечатлениями от многолетнего знакомства с Н. Е. Штемпель историк Древнего Рима, прозаик и переводчик. – Мемуаристка не навязывает своего отношения к событиям, а просто воспроизводит факты так, как они отложились у нее в памяти» [Немировский 1991: 224]. Однако тот же рецензент сетовал на излишнюю «простоту» ее рассказов о Мандельштаме, полагая, что их заметно обедняет отсутствие ссылок на документы личного происхождения. Особенно поражала профессионального историка утрата писем поэта, адресованных Н. Штемпель, но оставленных ею в Воронеже накануне оккупации города немецкими войсками.

«– Боже мой! Что Вы наделали, Наталья Евгеньевна! – закричал я. – Это все равно, что

Беатриче или Лаура оставили посвященные им стихи. Если брать письма...

– Но это были личные письма, и я сочла, что важнее сохранить письма Осипа Эмильевича к Надежде Яковлевне. И знали бы Вы, Шу-у-ра, в какой обстановке мы с мамой покидали Воронеж.

– По крайней мере, – не унимался я, – какво было содержание писем? Что Вам писал Осип Эмильевич, находясь с Вами в одном городе?

– Они были очень длинные... – замялась она. – А почерк у него был неразборчивый.

В этом вся Наталья Евгеньевна, бесписьменный человек!» [Немировский 1991: 226], – спешил с выводом строгий собеседник «воронежской Лауры де Сад».

О войне Наталья Евгеньевна говорить не любила. Редко вспоминала, как покидала Воронеж летом 1942 года. Однако в письме к Э. Г. Герштейн позволила себе сказать больше, чем обычно: «Дорогая Эмма Григорьевна, все погибло, я не знаю, какой бог осенил меня и помог мне взять все рукописи стихов, блокноты и письма, не принадлежавшие мне.

Мы уходили за несколько часов до вступления немцев в город, абсолютно налегке, была паника.

А потом какие мытарства: крестьянские избы, случайные грузовые машины, товарные поезда... бесконечная дорога в неизвестность.

Письма О. Э. ко мне, интересные, длинные, Н. Я. и С. Б. телеграммы – все погибло. Больно об этом вспоминать.

Мама утешала меня: «Что делать, девочка, люди гибли, все гибло. Не надо грустить. Могла и это не спасти».

В своих воспоминаниях я не решилась заниматься пересказом пропавших писем из боязни исказить, быть неточной» [«Ясная Наташа» 2008: 137].

Даже близким друзьям Наталья Евгеньевна не цитировала адресованных ей записок и посланий влюбленного поэта. Известно, правда, свидетельство А. И. Немировского, согласно которому Н. Штемпель «доверительно рассказывала ему, что в этих письмах она представляла „как новая Лаура“». Эти слова упоминаются в книге, посвященной ее 100-летию [«Ясная Наташа» 2008: 19], и в «Мандельштамовской энциклопедии» [Нер-

лер 2017: 553], но в приведенном выше диалоге историка античности с воронежской музой Мандельштама сравнивал Лауру де Сад с Натальей Евгеньевной сам Александр Иосифович Немировский, обнарудовавший эту записку в научной статье.

Разночтения встречаются и в реконструкции событий 1942 года. О спасении «Воронежских тетрадей» и «части архива» мемуаристы и биографы сообщают не во всем совпадающие детали. «Мелькнули эпизоды, годные для сценария: Наташа, уносившая письма О. М. ко мне в жестяной коробочке из-под чая, когда наступали немцы и уже горел Воронеж» [Н. Мандельштам 2014, т. 1: 366] (здесь и далее курсив наш. – Н. М., О. А.). «Она сохранила и унесла в чемоданчике во время войны рукописи Мандельштама...» [Гурина 2008: 247]. «В июле 1942 года, во время эвакуации из пылающего Воронежа, в который вот-вот должны были войти немцы, Наташа взяла с собой вверенные ей стихи Мандельштама и его письма к жене. Письма же Мандельштама к ней самой Наташа оставила в развалинах дома» [Дутли 2005: 328].

Уточним: свой полусгоревший дом (в 1942 году он еще не был поврежден пламенем и осколками снарядов) Н. Е. Штемпель увидит лишь осенью 1944 года, когда вернется в родной город, до неузнаваемости разрушенный и разоренный войной. А с 4 по 6 июля 1942 года воронежцы в спешке покидали правобережье, чтобы спастись от наступавшего неприятеля (6 июля саперы взорвут Чернавский мост, после чего пешеходная переправа из центра города на левый берег реки будет невозможна).

В начале 1970-х годов из беседы с Натальей Евгеньевной стало известно о том, как были спасены «воронежские стихи»: «С июня город бомбили, в июле – почти ежедневно. Мы остались без воды и света. Дым и чад мешали дышать... Бои шли на подступах к Воронежу, но к эвакуации мы были совсем не готовы – еще недавно агитаторы ходили по дворам и повторяли, что в город враг не войдет. Боролись с пораженческими настроениями... Когда объявили, что немцы занимают окраины, началась паника. Я связала веревочкой блокноты со стихами Осипа Эмильевича, его письма жене, завернула все в платок и пошла на Чернавский мост. Никаких вещей не взяла. В руках был этот узелок».

О дальнейших событиях говорится в ее автобиографии: «До глубокой осени жили в селе Архангельском (около двухсот километров от Воронежа). В конце октября Министерство оборонной промышленности (во время войны техникум подчинялся ему) направило нас в город Куйбышев» [Штемпель 2008: 98].

Спасение «Воронежских тетрадей» Натальи Евгеньевны сравнивала с чудом: «В Куйбышеве меня разместили в огромной необжитой комнате. Я боялась, что архив может пропасть... Но сберегла. От мышей и крыс бумаги спасал черный кот с желтыми лучистыми глазами. Он пришел в первый же вечер, словно явился из довоенного Воронежа, из стихов Мандельштама, чтобы стеречь их в то голодное и страшное время» (запись не датирована).

По свидетельству Н. М. Митраковой, разнообразие фактов и событий открывалось друзьям и слушателям Натальи Евгеньевны без заранее продуманной системы. Постепенно возник замысел сохранить то, что она рассказывала, сделать фотографии улиц, домов, парков и скверов, других памятных мест, сопроводить их текстом. Сложился круг единомышленников, посвященных в общее дело. «Наталья Евгеньевна к работе подходила серьезно, внимательно вглядывалась в старинные городские открытки, отбирала фотографии, обсуждала собранные материалы и подготовленные подписи к ним... Однажды Витя Гордин предложил сделать слайды, определив место каждого кадра в общей подборке. Тогда же начали составлять „Альбом“, не похожий на те, что заводили в поэтических „салонах“ (это слово Н. Е. не любила).

„Прерывистые знаки“ воспоминаний должны были обрести внутреннюю логику и цельность. Все мы еще не знали, как непросто осуществить то, что задумывалось».

«Внутренняя жизнь, пожалуй, в большей степени определяет внешние события, чем наоборот» (Н. Я. Мандельштам). Одну из своих задач молодые исследователи, работавшие с Н. Е. Штемпель над материалами о жизни и творчестве О. Мандельштама, видели в том, чтобы понять, как соотносятся в «Воронежских тетрадах» факты биографии и факты творчества. Многое приходилось сверять, узнавать заново. Считалось, например, что ссылку в Воронеж предо-

пределил случай: Мандельштам сам выбрал этот город, узнав, что там работает хороший тюремный врач. Но заочная встреча поэта с «мачехой Кольцова», увековеченной в его стихах, как выяснилось, произошла значительно раньше – статья О. Мандельштама «Утро акмеизма» была напечатана в № 4/5 «пролетарского двухнедельника» «Сирена» за 1919 год (пожелтевший и частично поврежденный экземпляр издания спустя 50 лет был выявлен в фондах библиотеки ВГУ). В этом журнале, выходившем в пореволюционном Воронеже под редакцией В. Нарбута, принимали участие А. Ахматова, Вл. Бахметьев, С. Буданцев, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, С. Есенин, В. Лидин, П. Орешин, Б. Пастернак, Б. Пильняк, А. Ремизов, В. Шершеневич и другие очень разные поэты, прозаики, литературоведы из Москвы, Петрограда, губернского Воронежа. На страницах двухнедельника появились рецензии на «Дубравну» С. Клычкова, «Африканскую поэму» Н. Гумилева. «Утро акмеизма» сопровождали в одном разделе «Античные размеры в русском стихосложении» В. Келлера, «Новые разыскания» И. Эйгеса о стихотворениях М. Ю. Лермонтова и В. А. Жуковского. После выхода в свет сдвоенного выпуска со статьей О. Мандельштама издавать «Сирену» предполагалось на Украине, куда пришлось уехать В. Нарбуту, но этого не произошло.

Н. Е. Штемпель, Н. Митракова, Н. Гордина.
«Прерывистые знаки воспоминаний
должны были обрести внутреннюю логику
и цельность»

Однако Воронеж, очевидно, продолжал восприниматься поэтом, начавшим работать над «Шумом времени», как город, доступный

для интенсивной литературной, культурной и научной жизни. «Весной и летом трудного для О. Мандельштама 1923 года воронежский журнал „Железный путь“ напечатал ряд его стихотворений (в частности, „Когда Психея-жизнь спускается к теням...“, „Ветер нам утешенье принес...“). Такие события не забываются авторами», – уже в «новое время» напишет историк региональной культуры, напомнив, что «Воронеж, наряду с Харьковом (оба – университетские центры)», «мимолетно встречается и в „Четвертой прозе“». Город для ссылки едва ли «был выбран так случайно и скоропалительно, как это описывается в мемуарах Н. Мандельштам» [Ласунский 1995: 318], – пояснит ученый причины «обольщения поэта» Воронежем (выражение Н. Е. Штемпель).

Исследовательский подход, основанный на внимании к фактам творчества – статьям, стихам и прозе, а не к одной лишь внешней канве событий, на рубеже 1960–1970-х годов приходилось отстаивать. Показательны выписки из статьи «Утро акмеизма» в дневнике В. А. Свительского за 1970-й год (со ссылкой на «Сирену»): «...желательно, чтобы разговоры об искусстве отличались величайшей сдержанностью», «Мироощущение для художника – орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственное реальное – это само произведение».

На той же странице приводятся примеры из «Воронежских тетрадей», краткие комментарии к ним содержат полемику со сторонниками «легковесных прочтений». Несогласие, в частности, вызывают попытки связать особенности городской «топографии», воссозданной в стихотворении «Я живу на важных огородах...», с пребыванием Мандельштамов в Привокзальном поселке, где в 1934-м году им пришлось поселиться в «застекленной терраске» жактовского дома (первый их воронежский адрес) – ее сдавал не названный по имени «старик-повар».

Замечания ученого достаточно сдержанны. Вместо сокрушительных для оппонентов ссылок на «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, охарактеризовавшей первую строку стихотворения «Я живу на важных огородах...» как «Пейзаж из окна агронома, у которого мы снимали комнату», в дневнике В. Свительского появляется запись, адресо-

ванная неизвестному собеседнику: «Странная логика – если летом жили в Привокзальном поселке, значит, „важные огороды“, если „Ветер служит даром на заводах...“, значит, имеются в виду железнодорожные мастерские, расположенные неподалеку. За топографией „Тетрадей“ – судьба поэта, проблемы и дыхание времени, а не случайные параллели».

В сосредоточенности на «художественной информации» исследователь видит исходный рубеж аналитической работы, полагая, что «стенограмма глубоко личных переживаний поэта и связанные с ними ассоциации и обобщения могут существенно отрываться от исторической и географической подоплеки», а кого-то вводить в искушение небрежно толковать текст.

Автор дневника внимателен к «авторским переименованиям» и номинациям: «„Это махеха Кольцова, Шутить: родина щегла!“, „Это какая улица? Улица Мандельштама...“, – поэт открывает новые значения, впервые называет, переименовывает», – отмечает литературовед. Его привлекают произведения, «построенные на звуковом образе»: «Ты выронишь меня или вернешь, / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож». Эти строки из стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», рожденные «на грани логики и глубинных ассоциаций» (с вольной трактовкой этимологии имен собственных), исследователь склонен считать «вступлением к „Тетрадам“» из-за их семантической «значимости в трагической динамике книги» (февраль 1970 года).

Приведенные выше записи – спустя двадцать лет – В. А. Свительский объединит и дополнит в статье «О поэтической логике „Воронежских тетрадей“»: «Через освоение звукового шифра названия города („Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...“) Воронеж наделяется значением, тесно связанным с участием поэта. Улица переименовывается в честь поэта, тогда как ее старое название становится определением характера автора» [Свительский 1990: 471].

Выясняя внутреннюю логику «Воронежских тетрадей», литературовед уточняет свою позицию: «мало кто из читающих стихотворение „Это какая улица?..“ знает, что в его основе лежит буквальная топография, что „яма“ есть в действительности и даже дом сохранился... Ни

в коем случае не хочу сказать, что знать об этом не надо, но приходится иметь в виду то обстоятельство, что стихи чаще всего воспринимаются без комментария, без выяснений реалий и прототипов» [Там же: 467]. В составленном им позже сборнике ученый добавит: «В стихах Мандельштама соединяется реальность и воображение, действительно существующее и привнесенное поэтическим взглядом. Читатель где-нибудь в Амстердаме или Токио, открыв стихотворение „Это какая улица?..“, подумает о символичности его. Перед воронежцами открываются более широкие возможности: мы можем сопоставить реальную топографию и поэтическую мысль... Чтобы лучше понять поэта, надо побывать в местах, где он жил. Мы ходим по следам создателя „Воронежских тетрадей“» [Свительский 1999: 558].

Эпиграмма об улице, подобной яме и названной в честь поэта, была притягательна для историко-биографических и краеведческих исследований, но для поиска «исходного образа» в 1970-е годы имелись не совсем четкие ориентиры. «Это какая улица?.. Шуточные стихи. Третья строчка второй строфы первоначально была: „Жил он на улице Ленина“ – почему так называлась окраинная улица, на которой мы жили, я не знаю, – признавалась вдова поэта. <...> Стишок мы записывали шифром, так как любую улицу называть своим именем ссыльному было опасно» [Н. Мандельштам 2014, т. 2: 759].

Подсказать, где находилось «зашифрованное» в стихотворении место жительства, не могла и Н. Е. Штемпель. Впервые она появилась у Мандельштамов в комнате на улице Ф. Энгельса, а посещать прежние квартиры ссыльного поэта, удаленные от центра города, ей не доводилось. О чем она сожалела: «В 1950-е годы Надежда Яковлевна приезжала в Воронеж, – вспоминала Наталья Евгеньевна, – но отыскать дом рядом с железной дорогой, где они жили с Осипом Эмильевичем, нам не удалось...» (запись 1969 года). По свидетельству В. А. Свительского, когда молодые воронежские исследователи пытались уточнить у Н. Я. Мандельштам почтовый адрес дома, стоявшего в яме, та, вежливо помолчав и не ответив, закурила.

Однако текст авторской эпиграммы высвечивал читателям прикровенные «путеводные

знаки». В строке «Мало в нем было линейного...» отзывалось название улицы Линейной (имелась в виду 2-я Линейная – так улица именовалась в 1930-е годы; она находилась примерно в 150 метрах от ул. Ленина, до которой из центра города можно было доехать на трамвае – маршрут шел по Проспекту Революции до Сельскохозяйственного института. На остановке, нужной Мандельштамам, кондуктор объявлял: «Улица Ленина». Не исключено, что по этой причине в первоначальной редакции стихотворения обыгрывалось именно это название). В 1962-м году 2-я Линейная была переименована в переулок Швейников, а 1-ю Линейную улицу, расположенную за полотном железной дороги, стали называть Линейной, убрав порядковый номер.

«Мы знали о переименовании, – рассказывает Н. М. Митракова. – В 1962 году, когда это происходило, я училась на третьем курсе филологического факультета – для заработка разносила телеграммы жителям в том же районе. На почте объясняли: названия меняют, чтобы устранить путаницу с доставкой корреспонденций... Прочитав „Воспоминания“ Н. Я. Мандельштам, мы не сомневались, что поиски второго воронежского адреса ссыльного поэта нужно начинать с бывшей 2-й Линейной, переименованной в переулок Швейников».

Попытки сопоставить текст эпиграммы с местным «ландшафтом» в 1970-е годы не приводили к искомому результату. «Улицу» найти не удавалось: переулок упирался в ворота, примыкавшие к двухэтажному особняку дореволюционной постройки (тот стоял напротив семафора у самой кромки железнодорожного откоса). В тупик могли зайти и «топографические разыскания», если бы не настойчивость Н. Е. Штемпель.

«После кончины Н. Я. Мандельштам Наталья Евгеньевна просила продолжить поиск второй воронежской квартиры поэта, – вновь берет слово Н. М. Митракова. – Друзья предлагали мне „расширить географию“ наблюдений, но Свительский советовал: „Чтобы найти подсказку к эпиграмме, лучше перечитать „Воронежские тетради“ и „Воспоминания“ Н. Я. Мы не раз говорили, что хозяева квартир в ее повествовании названы не по фамилии, а по профессии: повар, агроном, театральная

портниха... 'Обиженный хозяин' из стихотворения 'Я живу на важных огородах...' был агрономом". Это „ключевое слово“ помогло. Хорошо помню весенний солнечный день и белые платочки старушек, сидевших на лавочке в переулке, куда я когда-то приходила с телеграммами... Меня охотно вызвались проводить к „дому агронома“, которого бабушки помнили как „человека хорошего“: тот снабжал „саженцами яблонь, груш и вишен жителей всего околотка“. Скоро, к моему удивлению, мы вошли в ворота, стоявшие рядом с двухэтажным особняком (оказывается, они отделяли одну часть переулков от другой), и начали спускаться к дому № 46, стоявшему в „яме“: это была глубокая впадина со склонами, отведенными под огородные грядки. Не очень приветливые хозяева подтвердили, что агроном жил здесь в до- и послевоенные годы. Соседки-старушки подсказали его фамилию: Вдовин. Семью ссыльных, стоявших у него на квартире, вспомнили не сразу, пока одна из них не сказала что-то „о птице-гоголе“, рассмешив всех. Я поспешила к Н. Е. Штемпель, чтобы порадовать ее долгожданной находкой. Через два-три дня этот же адрес, обнаруженный в архиве, Витя Гордин получил из Москвы. Письмо отправил его знакомый, узнавший о наших разысканиях. Эта новость мне всегда казалась важнее моей „встречи с ямой“: документальное подтверждение ставило окончательную точку в истории наших поисков второго воронежского адреса Мандельштама».

К сказанному добавим, что имена исследователей-энтузиастов, нашедших дом, в котором снимали комнату Мандельштамы и были созданы многие его стихотворения, как правило, не упоминается издателями, однако Н. Е. Штемпель была благодарна тем, кто помог обнаружить «недостающее звено» из реальной топографии «Воронежских тетрадей». В ее бумагах сохранились заметки об этом [см.: Штемпель 1991: 177].

Подведем итоги. Открытие реалий, изучение «поэтической логики» воронежских стихов, в том числе авторской эпиграммы, содержащей не только самоиронию, но и неоконченный спор с трагическим «разворотом истории», уже в подцензурное время давали возможность установить общую за-

висимость выбора воронежских адресов поэта от его мировосприятия и внутреннего настроения. Первые два адреса связаны с ожиданием возможных перемен: и Привокзальный поселок, и дом, стоявший рядом с железной дорогой, уже своим расположением укрепляли веру О. Мандельштама в скорый отъезд. См., например, запись С. Рудакова: «Сегодня – опять о рельсах, что видны с балкона, и о том, скоро ли нас повезут поезда. А он говорит: „Я семафор со сломанной рукой / У полотна воронежской дороги“. (У него сломана правая рука выше локтя)» [Рудаков 1999: 283]. Сходные настроения не оставляли поэта и позже. Видимо, не случайно от дома на ул. Фридриха Энгельса, где была комната с лучшими, чем прежде, удобствами, был виден железнодорожный вокзал.

Другие квартиры, расположенные в центре города, отчасти передают внутреннее состояние поэта, вынужденного изживать «немеющее время» в условиях изоляции, гнетущего изгойства. По свидетельству вдовы поэта, «чувство беды не могло пересилить вечной и дикой радости жизни, совершенно необъяснимого веселья запертого в клетку стихотворца» [Н. Мандельштам 2014, т. 1: 279]. Выбор останавливается на жилье, расположенном вблизи телеграфа, переговорного пункта, почтамта. Это поиск голосов и вестей, способных рассеивать оцепенение людей и странств.

Вместе с тем ощущение неустойчивой, зыбкой поверхности передают многие строки, созвучные последнему воронежскому жилью Мандельштамов в «доме без крыльца», у театральной портнихи (ул. 27-го Февраля, 50). «Крайним воплощением и знаком несвободы, безысходного одиночества становится „яма“» [Свительский 1990: 472], на этот раз уже подстерегающая свою жертву: «И в яму, в бородавчатую темь / Скольжу к обледелой водокачке».

«Трагическая динамика „Воронежских тетрадей“ – в преодолении этой несвободы и переживании ее» [Там же: 472], – точно охарактеризовал эти состояния В. А. Свительский. В дневнике исследователя появляются записи о том, как и в каком измерении происходит «освобождение от удушья „мертвого воздуха“: страницы и образы мировой культуры воз-

вышают над немотой оцепеневшего города, с Мандельштамом – Данте, Шекспир, Вийон, шедевры Микель-Анджело». По наблюдению ученого, «поэтическому слову, сохранившему в неволе чистоту и силу, „внемлет звездное небо“, но у „точки безумия“ в минуты обретенного равновесия между жизнью и смертью, слово живет по законам, более сложным, чем прежде: „То, что я говорю, мне прости... Тихо, тихо его мне прочти...“ – это стихотворение о тайне соединения людей и земного воплощения человека... Это признание о самом главном „здесь – на земле, а не на небе...“ – так завершает свои рассуждения ученый, стоявший у истоков научного мандельштамоведения в Воронеже.

Его статьи о творческом наследии поэта увидели свет в 1990-е годы, но дневниковые записи, оставшиеся неопубликованными, убеждают, что ко многим выводам, не уста-

ревшим сегодня, исследователь приходил еще в начале 1970-х годов.

В. А. Свительский, Е. А. Подшивалова.
«И потому эта улица или, верней,
эта яма...»

Литература

Алейников, О. Ю. Письма из незабытого прошлого. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE CAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000 / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского университета. Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 234–236.

Гурина, Т. «Дорогая Наталья Евгеньевна!» / Т. Гурина // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – С. 240–253.

Дутли, Р. «Век мой, зверь мой». Осип Мандельштам. Биография / Р. Дутли ; перевод с нем. К. Азадовского. – СПб. : Академический проект, 2005. – 432 с.

Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – 544 с.

Ласунский, О. Г. Воронеж в художественном сознании О. Мандельштама / О. Г. Ласунский // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения : сборник статей. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1995. – С. 316–326.

Мандельштам, Н. Собрание сочинений в двух томах / Н. Мандельштам ; ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин ; вступ. ст. П. Нерлера. – Екатеринбург : Издательство ГОНЗО (при участии Мандельштамовского общества), 2014. – 864 с.

Мандельштам, О. Из «Воронежских тетрадей» / О. Мандельштам ; вступительная статья А. И. Немировского // Подъем. – 1966. – № 1. – С. 91–97.

Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама / сост. П. Нерлер. – М., 2008. – 312 с.

Мандельштамовские дни в Воронеже : материалы. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1994. – 96 с.

Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Митракова, Н. Наталья Евгеньевна Штемпель / Н. Митракова // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – С. 283–294.

Немировский, А. Из «Воронежских тетрадей» [Вступительная статья] / А. Немировский // Подъем. – 1966. – № 1. – С. 91–93.

Немировский, А. Образ и прототип / А. Немировский // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. – М. : Наука, 1991. – С. 222–231.

Нерлер, П. Штемпель Наталья Евгеньевна / П. Нерлер // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 552–553.

Осип Мандельштам в Воронеже. К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама / сост. П. Нерлер. – М., 2008. – 312 с.

Рудаков, С. Из писем 1935–1936 годов / С. Рудаков // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 276–356.

Свительский, В. А. О поэтической логике «Воронежских тетрадей» / В. А. Свительский // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 465–479.

Свительский, В. А. Поэт и время / В. А. Свительский // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 5–16.

Свительский, В. А. Как читать стихи Мандельштама? / В. А. Свительский // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 553–558.

Штемпель, Н. Е. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания / Н. Е. Штемпель ; вступ. ст. Д. П. Заславского ; сост. В. Н. Гыдова. – М. : Мандельштамовское об-во, 1992. – 146 с.

Штемпель, Н. Е. Воронежские адреса Мандельштама / Н. Е. Штемпель ; публ. и послесловие П. М. Нерлера // Литературная учеба. – 1991. – № 1. – С. 177–181.

Эренбург, И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург // Новый мир. – 1961. – № 1. – С. 91–152.

«Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – 368 с.

References

Aleinikov, O. Yu. (2001). Pis'ma iz nezabytogo proshlogo. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE CAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000 [Letter from an Unforgotten Past. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE CAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000]. In *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 234–236.

Dutli, R. (2005). «Vek moi, zver' moi». *Osip Mandel'shtam. Biografiya* ["My Age, the Beast is Mine". Osip Mandelstam. Biography] / transl. by K. Azadovsky. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 432 p.

Erenburg, I. (1961). Lyudi, gody, zhizn' [People, Years, Life]. In *Novyi mir*. No. 1, pp. 91–152.

Gurina, T. (2008). «Dorogaya Natal'ya Evgen'evna!» [« Dear Natalia Evgen'evna! »]. In Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. (Eds.). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'*. Moscow, Voronezh, Kvarta, pp. 240–253.

Lasunsky, O. G. (1995). Voronezh v khudozhestvennom soznanii O. Mandel'shtama [Voronezh in the Artistic Consciousness of O. Mandelstam]. In «*Otdai menya, Voronezh...*»: Tret'i mezhdunarodnye Mandel'shtamovskie chteniya: sbornik statei. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 316–326.

Mandel'shtamovskaya entsiklopediya: v 2 t. [Mandelstam's Encyclopedia, in 2 vols.]. (2017). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.

Mandel'shtamovskie dni v Voronezhe: Materialy [Mandelstam Days in Voronezh: Materials]. (1994). Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 96 p.

Mandelstam, N. (2014). *Sobranie sochinenii v dvukh tomakh* [Collected Works in two volumes] / ed. by S. Vasilenko, P. Nerler, Yu. Freidin. Ekaterinburg, Izdatel'stvo GONZO (pri uchastii Mandel'shtamovskogo obshchestva). 864 p.

Mandelstam, O. (1966). Iz «Voronezhskikh tetradей» [From "Voronezh Notebooks"]. In *Pod'em*. No. 1, pp. 91–97.

Mitrakova, N. (2008). Natal'ya Evgen'evna Shtempel' [Natalia Evgen'evna Shtempel]. In Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. N. (Eds.). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'*. Moscow, Voronezh, Kvarta, pp. 283–294.

Nemirovsky, A. (1966). Iz «Voronezhskikh tetradей». Vstupitel'naya stat'ya [From the "Voronezh Notebooks". Introductory Article]. In *Pod'em*. No. 1, pp. 91–93.

Nemirovsky, A. (1991). Obraz i prototip [Image and Prototype]. In *Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam. Issledovaniya i materialy*. Moscow, Nauka, pp. 222–231.

Nerler, P. (2017). Shtempel' Natal'ya Evgen'evna [Shtempel Natalia Evgen'evna]. In *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya, in 2 vols.* Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 552–553.

Nerler, P. (Ed.). (2008). *Mandel'shtam v Voronezhe. Vospominaniya. Fotoal'bom. Stikhi. K 70-letiyu s dnya smerti O. E. Mandel'shtama* [Mandelstam in Voronezh. Memories. Photo Album. Poems. On the Occasion of the 70th Anniversary of the Death of O. E. Mandelstam]. Moscow. 312 p.

Nerler, P. (Ed.). (2008). *Osip Mandel'shtam v Voronezhe. K 70-letiyu so dnya smerti O. E. Mandel'shtama* [Osip Mandelstam in Voronezh. On the Occasion of the 70th Anniversary of the Death of O. E. Mandelstam]. Moscow. 312 p.

Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. N. (Eds.). (2008). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'* ["Bright Natasha". Osip Mandelstam and Natalia Shtempel. To the 100th Anniversary of the Birth of N. E. Shtempel']. Moscow, Voronezh, Kvarta. 368 p.

Rudakov, S. (1999). Iz pisem 1935–1936 godov [From letters 1935–1936]. In Mandelstam, O. *Voronezhskie tetradей. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E. A. Bolkhovitinova, pp. 276–356.

Shtempel', N. E. (1991). Voronezhskie adresa Mandel'shtama [Voronezh Addresses of Mandelstam]. In *Literaturnaya ucheba*. No. 1, pp. 177–181.

Shtempel', N. E. (1992). *Mandel'shtam v Voronezhe: Vospominaniya* [Mandelstam in Voronezh: Memories] / ed. by D. P. Zaslavsky, V. N. Gydova. Moscow, Mandel'shtamovskoe obshchestvo. 146 p.

Svitel'sky, V. A. (1990). O poeticheskoi logike «Voronezhskikh tetradей» [On the Poetic Logic of "Voronezh Notebooks"]. In *Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniya. Materialy k biografii. «Noveye stikhi». Kommentarii. Issledovaniya*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 465–479.

Митракова Н. М., Алейников О. Ю. «Путеводные знаки». Из бесед и записей о «Воронежских тетрадах»...

Svitel'sky, V. A. (1999). Kak chitat' stikhi Mandel'shtama? [How to Read Mandelshtam's Poems?]. In Mandelshtam, O. *Voronezhskie tetradi. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E.A. Bolkhovitinova, pp. 553–558.

Svitel'sky, V. A. (1999). Poet i vremya [Poet and Time]. In Mandelshtam, O. *Voronezhskie tetradi. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E.A. Bolkhovitinova, pp. 5–16.

Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniya [Life and Creativity of O. E. Mandelshtam: Memoirs. Materials for the Biography. "New Poems". Comments. Research]. (1990). Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 544 p.

Данные об авторах

Митракова Нина Матвеевна – независимый исследователь, филолог, педагог (Воронеж, Россия).

Адрес: 394681, Россия, г. Воронеж, ул. Ломоносова, 114.

E-mail: nina.matveevna.61@yandex.ru.

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru.

Authors' information

Mitrakova Nina Matveevna – Independent Researcher, Philologist, Teacher (Voronezh, Russia).

Aleinikov Oleg Yur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia).